

ФИЛОСОФСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

Философия в Австралии: история, мыслители, проблемы

А.С. Колесников

*Санкт-Петербургский государственный университет,
кафедра истории философии факультета философии и политологии.
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5, факультет философии и политологии*

А.С. Колесников представляет широкий обзор философской мысли в Австралии. Истоки, формирование, особенности развития, основные течения и проблематизации — таковы основные темы предлагаемой работы. Особое внимание уделяется соперничеству философских школ Мельбурна и Сиднея, «андерсо尼亚нства» и австралийского витгенштейнианства. Панорама австралийской философии разворачивается на фоне социально-политической истории «зелёного континента».

Последние три десятилетия философия и в Австралии, и в Новой Зеландии (Австралазии) процветала, оказывая определенное влияние (непропорциональное населению) и на международной арене, не говоря уже о количестве и размерах философских сообществ внутри страны. Широко известны такие австралийские философы, как Артур Приор (Arthur Prior), Дэвид Армстронг (David Armstrong), Дж. Смарт (J.J.C. Smart), Фрэнк Джексон (Frank Jackson), Дж. Пассмор, Питер Синджер (Peter Singer), Женестьева Ллойд (Genevieve Lloyd), Фута Хелу (Futa Helu). Доказательством этому служат как исследования Армстронга, Пассмора, Фрэнклина, Грэйва, так и оценки различных выдающихся западных философов, регулярно посещающих берега Австралии. Среди последних, например, австралийский гуру Ж. Бодрийяр, который в 1980-х гг., несмотря на таможную, реквизировавшую его фотографии, и Роберта Хьюса, осуждавшего его доктрины, представил свою работу «*The Year 2000 Will Not Take Place*» увлеченной аудиторией.

Развитие философии привело в Австралии к появлению нескольких различных программ исследования и школ мысли. Как известно, философия не появляется в вакууме; так, в 1960-х гг. соединение анархизма и квиетизма — этот «своекорыстный вздор» — прокатился по университетам в виде своеобразного «красного смешения». Стали говорить о разращении молодежи, и это было не только проявлени-

ем ненависти реакционеров к свободному настроению молодежи и студентов¹, но, скорее, точной оценкой происходившего в Сиднее в начале 1960-х гг., когда христианские лидеры — светские и духовные, англиканские и католические — предприняли массированную атаку на сиднейских философов, по их мнению, развративших студентов (начиная с прибытия Джона Андерсона из Шотландии в 1927 г.)². Сознание адептов было расширено работами Маркса и Мао, психоделическими препаратами. Дело приняло такой оборот, что и психоделики, и радикальный феминизм потребовали от властей «дисциплинарных разбирательств». В это время антиреформистский или революционный феминизм Джермейн Грир (Germaine Greer) и журнал хиппи Ричарда Невилла «Oz», издававшийся в Лондоне, приобрели международное влияние.

По-настоящему самобытный и инновационный стиль философии в Австралии (и, в меньшей степени, в Новой Зеландии) проявился за последние несколько десятилетий. В широком смысле австралийская философия может быть охарактеризована (по словам одного из самых больших ее практиков и исследователей Джона Пассмора) как «прямая, ясная, действительная, неуступчивая, натуралистическая, светская, интересующаяся миром, не желающая четко различать между концептуальным и эмпирическим». Есть хорошая книга Селвин Грэй «История философии в Австралии» (1984), которая доводит историю мысли на континенте до 1980 г.³ Её автор не только рассматривает концепции философов Австралии (что и является ее основной задачей), но также дает некоторый отчет об академической — замещающей политическую — борьбе, оживлявшей философскую сцену. Недавно вышли и другие обстоятельные работы, касающиеся как истории, так и современного состояния философии на этом континенте⁴.

Дж. Армстронг отмечает три великих формирующих события в философии Австралии: Джон Андерсон в Сиднее, Джордж Пол и позднее витгенштейнианство в Мельбурне (в частности, Дуглас Гаскинг и Улин Плэйс, Джек Сمارт), и Чарли Мартин в Аделаиде. Более развернутую характеристику дает им в своих сочинениях Джон Пассмор.

Австралийская академическая философия поначалу содержала не так много того, что могло бы обеспечить ее международное звучание. Нация, по сути, появилась на свет только в первый день 1901 г. До этого были королевские колонии, старейшая — в Новом Южном Уэльсе, основанная в 1788 г., поэтому речь идёт о в полном смысле слова транспортированной западной цивилизации. Академическая философия, как и наука, делалась выходцами из Великобритании. Университет Сиднея был организован в 1851 г., кафедра философии была создана в нем в 1880-х гг., но реально развиваться она стала с прибытием из Глазго Джона Андерсона в 1927 г. Введение формальной философии в англоговорящей Австралии было делом рук британско-шотландских философов. Первая кафедра философии была создана в

¹ David Armstrong. Black Swans: The formative influences in Australian philosophy // Rationality and Irrationality (Proceedings of the 23rd International Wittgenstein Symposium, Kirchberg am Wechsel, Austria, 2000). Eds. B. Brogaard & B. Smith. Wien, 2001.

² Franklin J. The Sydney Philosophy Disturbances // Quadrant. 1999. № 43 (April). P. 16-21; Franklin J. Corrupting the Youth: A History of Philosophy in Australia. Melbourne, 2003.

³ Grave S.A. A History of Philosophy in Australia. St. Lucia, Queensland (Australia), 1984.

⁴ Brown R.A. Contemporary Philosophy in Australia. Muirhead library of Philosophy. L., 2004.

университете Мельбурна в 1886 г. Ею заведовал Генри Лаури (Henry Laurie), который был больше известен экстравагантной застенчивостью, чем общественным воздействием или академическими достижениями.

До 1920-х гг. доминирующей философской перспективой был идеализм. Ни о мусульманской, ни об индийской (либо какой-то еще) философии не было и речи, ибо о представителях этих цивилизаций могли рассуждать лишь как о рабочей силе, представляющей опасность в связи с их привычками и нравственными устоями. Правда, буддистские тексты и индусы в Австралии были представлены, но их присутствие имело оккультный оттенок. После посещения Индии профессором университета Сиднея Джоном Смитом, который, согласно его заявлению, встретился с Анной Безант и мадам Блаватской, в широких интеллектуальных кругах укрепились теософия и спиритизм. Смит рассказал о своих впечатлениях в мельбурнском журнале, а Анна Безант во время своих посещений Австралии и Новой Зеландии (в 1894 и 1904 гг.) привезла копии индийских философских текстов. Посетил страну и Кришнамурти.

После прибытия харизматического Джона Андерсона идеализму была противопоставлена его энергичная, оригинальная, высоко метафизическая и несколько догматическая версия реализма. Так и не достигнув за свою жизнь большого международного признания, он тем не менее оказал мощное влияние на австралийскую культурную жизнь и на некоторых студентов, которые впоследствии заняли достойное место в западной философии. Такие мыслители, как Дэвид Армстронг, Джон Маки и Джон Пассмор, по-разному отклонялись от андерсонизма, но несмыслаемая марка «крещения» Сиднеем оставалась с ними даже тогда, когда они приспособились к западноевропейскому философскому профилю.

Контраст и конкуренция между стилями философии Сиднея и Мельбурна сохранялись более четверти столетия. Отец и сын Гиббонсы, которые друг за другом занимали Мельбурнскую кафедру, сохраняли идеалистическое влияние. Существенные разногласия начались лишь в 1940-х гг., когда Мельбурн оказался под влиянием философии Витгенштейна. В течение военных лет витгенштейнианство распространялось благодаря работам Дж.Э. Пола, одного из учеников Витгенштейна, а позднее через работы друга Пола — Дугласа Гаскинга (Douglas Gasking), учившегося под руководством Витгенштейна в Кембридже, — и Э.С. Джексона. Если в Сиднее господствовала ориентация Андерсона, «метафизическая и провинциальная», то мельбурнская философия была анти-метафизической и (относительно) космополитической. Как непосредственная сила в академической философии, писал Пассмор, система Андерсона умерла вместе с ним в 1962 г., тогда же исчез и поразительный контраст в стиле философий Сиднея и Мельбурна.

После окончания войны началась эра, которая все еще продолжается, — эра обмена мнениями (*Age of the Conference*). В Австралийской философии это означало, фактически, сближение или, скорее, столкновение двух философски уверенных в себе групп — из Мельбурна и из Сиднея, — которым не легко понять друг друга. Многие стремились узнать, что происходит в Мельбурне, и прочитать «Голубую книгу» Витгенштейна, машинопись которой распространялась в Сиднее того времени подпольно. Интеллектуально эти две школы были весьма далеки друг от друга: идея о том, что философия была сбита с толку и нуждается в прояснении через язык, была диаметрально противоположна традиционной и классической концепции фи-

лософии, которая, в эмпирицистской версии, превалировала в Сиднее. В значительной степени это был диалог глухих. Для англоязычного философского мира поздний Витгенштейн и лингвистическая философия были модой, не менее модным для Австралии был и андерсонизм. Теперь, когда мода прошла, следы этих идей — как витгенштейнианства, так и андерсонизма — могут обсуждаться в академическом тоне, что вряд ли было возможно в то время.

С развитием университетов и департаментов философии метафизический акцент Сиднея и аналитический профессионализм Мельбурна слились в единой технике, которая уже не имела никакого специфического регионального значения. Ее частью было явление, связанное преимущественно с Джоном Смартом и Дэвидом Армстронгом и известное как австралийский материализм. Оно продолжило метафизическую ориентацию австралийской философии, при развертывании аналитических и аргументативных навыков, характерных для англо-говорящей философии того времени. Споры, кипевшие вокруг материализма 1960-х и 1970-х гг., вовлекали сциентистский и редукционистский энтузиазм, рассеянные в более широких метафизических и психологических интересах типа обсуждения универсалий и законов, спора реализма с антиреализмом, онтологии пространства и времени, статуса и претензий когнитивизма.

Продолжается независимая, порой весьма скептическая по отношению к метафизическим направлениям работа в области эпистемологии, философской психологии, истории философии и теории ценности. Хотя международное воздействие Андерсона осталось незначительным, его влияние на психологов, получивших образование в университете Сиднея, было весьма существенным. Джон Р. Мэз (Maze) приводил систематические и эффективные доводы в пользу андерсонианистского подхода к психологическим проблемам, критикуя целенаправленный, индетерминистский подход в применении к гомеостасису и антидуалистическую аргументацию¹. Такую возможность использования философии Джона Андерсона к современным психологическим проблемам Фереди объясняется одной из особенностей андерсонизма — его последовательно антидуалистической позицией². Философия Андерсона, особенно в ее критических аспектах, остается мощным стимулом для современников, выступающих против тезисов релятивистов³.

В теории ценности высокопрофессиональных работ было мало, хотя вклад австралийских философов в международные дискуссии весьма убедителен, а Питер Синджер известен за пределами философских кругов своим теоретизированием по поводу оппозиции «святости человеческой жизни» перспективам биоэтики. Общий тон современной австралийской философии остается решительно «аналитическим», хотя налицо существенный интерес меньшинства к «континентальной» философии и некоторые попытки достигнуть компромисса. Еще одной особенностью филосо-

¹ Maze J.R. On some corruptions the doctrine of homeostasis // *Psychological Review*. 1953. № 60. P. 405-412. См. также: Maze J. R. Do intervening variables intervene? // *Ibid*. 1954. № 61. P. 226-234; Maze J.R. The meaning of behaviour. L., 1983.

² Furedy J.J. On the Relevance of Philosophy for Psychological Research: A Preliminary Analysis of some Influences of Andersonian Realism // *Australian Journal of Psychology*. 1988. Vol. 40. № 1. P. 71-77.

³ McLaughlin R. Review of A. J. Baker, Australian realism: The systematic philosophy of John Anderson // *Australian Journal of Philosophy*. 1989. № 67. P. 93-95.

фии на «зеленом континенте» конца XX в. является усиление роли женщин и развитие феминистской философии, причем многие находят «континентальный» способ благоприятным для их подхода, имея ввиду их «аналитическую» зависимость. Другой важный акцент был сделан на философии окружающей среды, которая включает традиционный интерес к метафизике, но сопровождается меньшим редуктивизмом, чем это было характерно для господствующей тенденции.

История

Академическая философия как основание почти всей современной философии начала свою австралийскую жизнь в Мельбурне, где в 1881 г. в университет был назначен первый лектор по логике. Назначение принял шотландский журналист, Генри Лаури (H. Laurie) который впоследствии (в 1886 г.) стал первым профессором философии в стране. До Лаури логическая и политическая теория преподавались в Мельбурне пугавшим многих В. Херном (W.E. Hearn) — экстраординарным математиком с международной академической репутацией, в разное время, прежде чем стать первым деканом факультета права университета, также преподававшим английский язык, древнюю и современную историю, политическую экономию и классическую литературу. В Сиднее логика преподавалась наряду с классической философией. Хотя университет был основан в 1850 г., лекции по философии начали читать только в 1888 г. Имелись небольшие кафедры английского языка, литературы и моральной философии, образованные ранее в университете Аделаиды, но первые жители континента не имели никаких философских предпочтений. Таковые стали вырисовываться только в 1894 г., с назначением одаренного, но незаслуженно забытого Уильяма Митчелла, который читал престижные Гиффордовские Лекции в Абердине в 1924-1926 гг., позже изданные как «The Place of Minds in the World». Митчелл (позднее Сэр Уильям) тогда был заметной общественной фигурой на юге Австралии, где в течение двадцати шести лет являлся вице-канцлером университета и в течение шести — канцлером. Он умер в 1962 г. в возрасте 101 года и в свои девяносто еще был способен к энергичным диспутам с одним из его молодых преемников по кафедре философии — Смартгом.

И Лаури, и Митчелл были шотландцами, и шотландское влияние в годы становления австралийской философии более всего заметно. В Сиднее агентом шотландского влияния был Университет Глазго, который дал Сиднею первого лектора по философии (1888); вторым стал профессор психологии и нравственной философии Фрэнсис Андерсон (1890). Как и Митчелл, Ф. Андерсон позднее стал кавалером одного из высших британских орденов, но больше за услуги в образовании, чем в философии. Тридцать семь лет спустя после назначения Ф. Андерсона на кафедру из Глазго (после Кардифа и Эдинбурга) прибыл другой Андерсон — Джон, третий и наиболее известный представитель кафедры.

В последние годы девятнадцатого столетия философия Австралии имела лишь незначительное воздействие на остальную часть мира и так же мало влияла на интеллектуальную и социальную жизнь страны. Философ-идеалист из США Джосайя Ройс взял отпуск в Гарварде, чтобы приплыть к антиподам в 1887 г., во встречах на этой земле ища лекарство от депрессии. Восторг от встреч и посещения Австралии и Новой Зеландии способствовал его выздоровлению. После возвращения в

США он эмоционально написал о своих впечатлениях, но не сделал никаких комментариев относительно «неоперившейся» академической философии или университетской жизни в целом. В политической философии Ройс был коммуитаристом и сравнивал природу отношений австралийских сообществ с индивидуализмом США. Не установив никаких контактов с академическими философами, он познакомился с некоторыми влиятельными политическими деятелями и был очень увлечен философскими взглядами и государственной деятельностью викторианского политического деятеля Альфреда Дикина (Alfred Deakin), являвшегося, по сути, одним из «отцов-основателей» Объединенного Содружества Наций и вторым премьер-министром Австралии. Впоследствии Ройс описал Дикина как «любителя метафизики» и продолжал переписываться с ним после возвращения в США. Дикин, кажется, черпал свое философское вдохновение из-за границы. В любом случае, в теоретических дискуссиях 1900 г., касающихся Федерации или формы Австралийской Конституции, никто из австралийских философов не участвовал. Это, видимо, сказалось и на документе, по сравнению с в высшей степени философски ориентированной американской конституцией оказавшемся, по словам Армстронга, прозаически юридическим и невдохновляющим. И тем не менее, это был революционный документ, указывающий на достижение независимости Австралии мирным путем.

Ранние влияния

С полным основанием можно сказать, что в двадцатом столетии австралийская философия была по преимуществу идеалистической по своей ориентации, эклектичной по форме и вдохновленной иностранными моделями по содержанию. Шотландское происхождение гарантировало влияние шотландской мысли, но время шотландской школы Здравого смысла было уже в прошлом. Хотя, заметим, философия начала серьезно преподаваться в Австралии Сэром Уильямом Хамилтоном, пытавшимся с неокантианских позиций исправить Томаса Рида, а также идеалистом А.С. Прингл Паттисоном (A.S. Pringle Pattison), в лекциях которого преобладала энергичная, реалистическая, несколько аристотелианская разработка философии Здравого смысла Рида (Commonsensism). Столетием ранее Рид оказал мощное влияние на развитие американской философии, стимулировав формирование отчетливо национального стиля философии в форме прагматизма. В Австралии, однако, шотландское влияние изначально было не столь мощным. Митчелл оставил проницательные философские наблюдения и развивал оригинальную версию идеализма, но невзрачность его мысли не дала плодотворных ростков. Лаури был способным преподавателем, но не выработал никакой самобытной философии, которую мог бы передать своим ученикам. Фрэнсис Андерсон был известен скорее образовательными реформами, чем философскими новшествами.

Помимо шотландского влияния, свою роль в становлении и развитии философии в Австралии сыграли, конечно, Гегель, затем Бергсон, Гуссерль и Эйкен. Влияние концепции последнего особенно заметно у преемника Лаури в Мельбурне — Бойса Гибсона (W.R. Bruce Gibson). Старший Гибсон заведовал кафедрой с 1911 по 1935 г., его сын Александр — с 1935 по 1965 г. Старший Гибсон учился в Европе, в Йене, где в то время господствовал фиктеанец Рудольф Эйкен (Rudolf Eucken, 1846-1926), пытавшийся создать свою концепцию метафизики духа. Он посещал семинары Гуссерля и перевел одну из его книг. Для истории мысли любопытно то,

что Эйкен (теперь почти забытый) настолько сильно повлиял в Йене на старшего Бойса Гибсона, когда в этом же самом университете в то же время был философ, оказавший огромное влияние на современную аналитическую философию. Речь идет о Готтлобе Фреге, работавшем на кафедре математики и в то время не известном как философ. Для развития австралийской философии Фреге оказался гораздо важнее, чем Эйкен. С другой стороны, Гибсон получил математическое образование и был соавтором учебника по логике, но, по-видимому, ничего не знал о реализме Фреге, а больше сочувствовал персональному идеализму Эйкена, отстаивавшего религиозную «жизненную систему», в которой в качестве «живого» центра всех духовных явлений утверждалось личностное существо, а духовная жизнь считалась пронизанной «субстанциальным» нравственным началом.

Идеализм поддерживал христианство и акцентировал значение религиозной веры среди ранних австралийских философов. Этот акцент был и метафизическим, и моральным. В то время дискутировался вопрос: может ли вера пережить столкновение с наукой, точнее, может ли этика пережить упадок религии? Ответ: с трудом, но метафизический интерес останется. Опора на метафизику — отличительная особенность австралийской философской традиции, получившая к тому же одно из наиболее поразительных проявлений в работе экспатрианта-австралийца — Самюэля Александера (1859-1938).

Александр родился в Сиднее в 1859 г. и перед тем, как уехать из Австралии, чтобы продолжить обучение в Оксфорде, учился в Университете Мельбурна. В 1893 г. он был избран профессором философии в Манчестере, работал в Оксфорде и Кембридже. Во время первой Мировой войны он читал Гиффордовские лекции, изданные затем как «*Space, time and deity*» (1920). Творчество Александера очаровывает смещением старого и нового и традиционно стремится к крупномасштабному метафизическому видению, которое скоро стало казаться устаревшим, но в своей направленности против идеализма было определено реалистическим. Его трактовка «пространства-времени» представляет бесконечную и непрерывную целостность всех субстанций, существующую до всех субстанций и являющуюся материалом, из которого «конструируется материя и все вещи». Многообразие мира возникает из этого «пространства-времени» согласно внезапным скачкам — *эмердженциям*. Правда, поскольку у него не достало аргументов для объяснения становления мира, он пришел к теистическим выводам. Его моральная философия также была отчетливо метафизической («*Moral order and progress; an analysis of ethical conception*», 1899). Несмотря на свое происхождение и воспитание, Александр может считаться периферийным австралийским философом, ибо его философская карьера получила свое развитие в Англии, тогда как его образ мысли имел в Австралии мощное влияние через Джона Андерсона и, в меньшей степени, через второго Бойса Гибсона. Андерсон перенял от него оппозицию идеализму в любой форме, решительный реализм, акцент на пространство-время и категории действительности при строгой систематизации мысли. Гибсон же больше акцентировал свое внимание на значении религиозного опыта. Как считают австралийские исследователи, влияние Александера на Австралийскую философию было не только абстрактно интеллектуальным — он входил в комитеты при избрании обоих Гибсонов, его рука, как кажется, видна и в назначении Андерсона.

Джон Андерсон (1893-1962)

Джон Андерсон учился в Глазго, читал лекции в Эдинбурге. Дэвид Армстронг, испытавший его интеллектуальное влияние на формирование своей мысли, считает его «самой замечательной фигурой, которая наблюдалась в австралийской философии». Мышление его было систематическим и обладало чрезвычайно широким диапазоном. Он исследовал вопросы метафизики, эпистемологии, философии сознания¹, морали, политики и социальной теории, эстетики и литературы — почти все, что привлекало внимание интеллигенции того времени. Особый интерес для него представляли Маркс, Фрейд и Джеймс Джойс. В провинциальном Сиднее в эти дни он мог дать своим ученикам философское образование, охватывающее значительно более широкий пласт, чем буквально понимаемая западная философия².

Будучи систематически мыслящим философом, он считал, что в мире постоянно взаимодействуют развивающиеся в пространстве и во времени ситуации. Сознание, знание, нравственность, образование, общество были для него не более чем эмпирическими феноменами пространственно-временной реальности³, а социальная жизнь рассматривалась как постоянное взаимодействие различных социальных движений и разнообразных, зачастую непримиримых, образов жизни. Когда Андерсон прибыл в Австралию (он приехал в Сидней из Эдинбурга вскоре после всеобщей забастовки 1926 г., которую, кстати, оценивал как весьма справедливую), его политическая позиция была открыто радикальной. Он поддерживал большевистскую версию марксизма, Австралийскую коммунистическую партию, выступал в качестве советника ЦК и писал в коммунистических журналах (иногда под литературным псевдонимом). Это стало причиной скандала и в университете, и в городе. Но он никогда не подчинял свои собственные политические и философские решения коммунистической идеологии. Удивительно, что, принадлежа к поколению ранних левых интеллектуалов, в 30-е гг. он стал одним из первых в мире критиков сталинизма. В ближайшие несколько лет он был троцкистом, но к концу 1930-х превратился в резкого критика революционного социализма как одной из величайших иллюзий, какие он только знал⁴. Главная озабоченность Андерсона была связана с возможностью построения социализма. Сначала он утверждал, что социализм был не только возможен и желателен, но и неизбежен. Затем он все более и более в нем разочаровывался: сперва в связи с картиной «фактического социализма» в Советском Союзе, затем — в связи с заявлением Троцкого о том, что «диктатура Коммунистической партии и пролетариата» могла быть временной договоренностью с марксистской философской структурой, подкрепляющей социалистическую практику. Оставив авторитарные формы социализма, он стал, как выражаются сегодня, либертарианцем и противником всех форм авторитаризма. Иногда он характеризовал себя как анархиста, но впоследствии отбросил свой ранний политический идеализм. Он все-

¹ Anderson J. The knower and the known // Proceedings of the Aristotelian Society. 1927. № 27. P. 61-84; Anderson J. Realism and some of its critics // Australian Journal of Psychology and Philosophy. 1930. № 8. P. 113-114; Anderson J. Mind as Feeling // Ibid. 1934. № 12. P. 31-94; Anderson J. The problem of causality // Ibid. 1938. № 16. P. 127-142.

² Kennedy B. A Passion to Oppose; John Anderson, Philosopher. Melbourne, 1995.

³ Baker A.J. Australian Realism: The Systematic Philosophy of John Anderson. Cambridge, 1986.

⁴ Baker A.J. Anderson's Social Philosophy: The Social Thought and Political Life of Professor John Anderson. Sydney, 1979.

гда критически относился к элементам марксистской мысли (особенно к ее диалектике)¹. С другой стороны, он так никогда и не стал консервативным ортодоксом. Свобода в целом и академическая свобода в частности, по его мнению, всегда будет вести «опасную и воинственную жизнь». В конечном счете, он повернул от сталинизма к некоторой разновидности либерально-консервативной политической позиции².

Андерсон стоял у истоков эмпирического брэнда философии, известного как «сиднейский реализм». Его деятельность на службе «свободной мысли» во всех областях, включая политику и этику, была весьма спорной и приводила к постоянным конфликтам с величественным сенатом университета. Он считал, что приемлемая философия должна иметь существенный «размах», быть критичной и способной к формовке идей в каждом аспекте интеллектуальной и общественной жизни. Этот настрой способствовал формированию поколения влиятельных мыслителей и активистов в особом духе и на специфических принципах «андерсонизма». Некоторые из них помогли выдвинуть Сидней на первый план международной «сексуальной революции» 1960-х гг. Ссылки на Андерсона, критиковавшего подчинение сексуального удовольствия воспроизводству, уместны и здесь: «свобода в любви — условие других свобод», — говорил он.

Курсы лекций, которые читал Андерсон, всегда содержали какое-либо серьезное разоблачение и критический анализ. В этом он напоминал «мастеров подозрения» (masters of suspicion): Маркса, Фрейда и Ницше. Интересно сравнение Андерсона с Гераклитом, достигшим подлинного видения вещи. Фрагмент Гераклита как бы кратко подытоживает метафизику Андерсона: «Этот космос, один и тот же для всех, не создал никто из богов, никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живой огонь, мерно возгорающийся, мерно угасающий». Эти «меры» были истолкованы Андерсоном как «методы работы» вещей, их имманентные законы.

У большинства философов наибольший интерес вызывают социальные взгляды Андерсона. Армстронг считал их метафизическими. Позицию, согласно которой существует лишь пространственно-временная система, вряд ли можно назвать необычной, для иррелигиозной личности это не более чем здравый смысл. Тем не менее, Андерсон, будучи философом, по необходимости отвергает не только какое бы то ни было божество, но и объективные сущности, которые со времен Платона и вплоть до сегодняшнего дня постулировали многие философы. Кроме того, как мыслитель, поддерживающий традиционную философию, Андерсон не собирается покидать пространство-время, но высказывает особое мнение о его абстрактной структуре.

Он утверждает, что реальность имеет пропозициональную структуру. Под этим он не подразумевает ничего идеального и ничего лингвистического. Возможно, его идею лучше бы поняли сегодня, указав, что мир для него — это скорее мир фактов, чем мир вещей. Здесь он в чем-то согласен с логическим атомизмом Рассела и «Трактата» Витгенштейна. Он отвергает атомизм в пользу доктрины бесконечной сложности вещей и не принимает «позднего» Витгенштейна, язвительно высказыва-

¹ Feyerabend P. Marxist Fairytales from Australia/ Science in a Free Society. L., 1978. P. 155.

² Home D. The Lucky Country: Australia in the 60s. Melbourne, 1964; A Perilous and Fighting Life: From Communist to Conservative. The Political Writings of Professor John Anderson. Ed.: M. Weblin. Sydney, 1995.

ясь относительно «лингвистического поворота». На сходства между его онтологическими взглядами и доктринами «Трактата» указывал Дуглас Гаскинг в статье, опубликованной в 1949 г. «Положение вещей» Армстронга, по его словам, является прямым следствием пропозиционального взгляда Андерсона на реальность.

Андерсон никогда не признавал новую логику Рассела, но искал возможности показать, что все предложения подпадают под аристотелевские «четыре формы» субъектно-предикатных пропозиций. Это вело к противоречию с *отношениями*, чью реальность Андерсон поддерживал больше всего и которые должны были тайком приводить к четырем формам, отражающим родственные свойства¹. Подобная позиция легла в основу разработки своеобразной теории категорий, развивающей идеи Самуэля Александера, который отстаивал реалистическую трактовку пространства, времени и категорий бытия, подтолкнувшую его к антисубъективистской трансформации учения Канта. На Андерсона повлияли и прослушанные им Гиффордовские лекции Александера, причём он отверг порождающее, не-трансцендентное божество Александера, восприняв в основном его идею категорий. Суждение (логическая природа вещей) очень важно для метафизики Андерсона, полагавшего, что рассмотрение различных особенностей суждения могло показать то, какие категории мы должны принять. Идея Александера, которую воспринял Андерсон, представляла пространство, время и категории не как формы опыта, но как формы бытия. Это было реалистическое описание указанных объектов и разъяснение того, как они оставались целым, что давало реалистическую метафизику, реалистическую онтологию, реалистическую теорию общей природы бытия.

Его собственная система насчитывала тринадцать категорий, включая тождественность, различие, существование, качество, отношение, число, количество, интенсивность и каузальность — все связанные с формой пропозиции. Сохранились записи лекций Андерсона по логике Александера, но при его жизни они так и не были опубликованы, хотя в них представлены все особенности творческой мысли Андерсона того времени². По всей видимости, большее внимание они привлекут сегодня, поскольку идея эмпирической метафизики вернулась на философскую сцену и снова вызывает интерес у исследователей.

Особенностями реализма Андерсона были отчетливая эмоциональная аргументативность и критика, что и отличало его от стиля философии, доминировавшего в Оксфорде и Кембридже в 1920—1950-х гг., по большей части враждебного к систематической, конструктивной метафизике. Поэтому не случайно, что сам Андерсон и круг его учеников использовали термин «критика» в качестве мантры.

Кроме того, его система давала всесторонний инструмент для разрушения расхожей мудрости дня — религиозной, политической, моральной. Дополнительную остроту обеспечивал специальный словарь, который часто использовал знакомый всем философский жаргон в незнакомом смысле. Было важно быть «эмпириком», но не верить в «чувственные данные» или идеи; «дуалистические» ошибки, допускаемые при рассуждении о вере, изобиловали за пределами философии сознания. Часто участники обсуждений не понимали термины спора. Андерсона упрекали в своего

¹ Ryle G. Logic and Professor Anderson // Australasian Journal of Philosophy. 1950. № 28. Перепечатано в: Ryle G. Collected Papers. Vol. 1. L., 1971. P. 236-248.

² Anderson J. Studies in Empirical Philosophy. Sydney, 2004; Anderson J. Space, Time and the Categories: Lectures on Metaphysics. 1949-50. (With Introduction by D. Armstrong). Sydney. 2007.

рода религиозной, даже сектантской авторитарности, воздействовавшей на многих его последователей и приведшей к сочетанию освобождения и порабощения. Как писал поэт Джеймс Маколей (James McAuley), «Андерсон имел ответ на каждый мыслимый вопрос. Это было "Нет"».

Дэвид Стоув¹, который впитал влияние Андерсона, но отклонил андерсонизм и развивал свою собственную независимую, высоко полемическую философскую позицию, однажды заметил: «полномочия отказа Андерсона от мысли были просто безграничными, а его теория была "крайне алогической"»² Его убеждение в правоте своей позиции сказывалось и на его отношении к достижениям современной математической логики, которую Андерсон с презрением отбрасывал. Его логика была основана на традиционной силлогистике, изобретательно приспособленной к ее очевидным недостаткам, и имела почти мистическую метафизическую твердость относительно них. Суждения, с которыми она работала, были не идеями, лингвистическими наработками или математическими формулами, но непосредственно реальными государственными делами. Предполагающий иное должен был выступить против строгого реализма Андерсона, предлагая посредников между мыслителями и фактами, которые они рассматривали. Вопросы о роли концептуальных схем в понимании действительности, актуальные для многих современных философов, для него не являлись проблемами. Вещи, ситуации, процессы существуют в пространстве-времени, и исследование должно уделить внимание определению истины таких вопросов.

Андерсона не беспокоил его мирской успех или академическая карьера. Он написал множество работ, но мало что печатал в главных международных журналах, поэтому некоторые из его важнейших работ были опубликованы лишь в малоизвестных изданиях. Международная репутация Андерсона в среде профессиональных философов невысока во многом именно потому, что он печатался почти исключительно в австралийских журналах. Некая систематическая демонстрация его взглядов доступна в собрании его статей 1962 г., сопровождаемом очень ясным философским резюме его позиции, написанным Пассмором. Ранее, в 1957 г., Пассмор показал, что философские источники позиции Андерсона можно найти в ранних реалистических концепциях У. Джеймса, У.Т. Марвина, Р.Б. Перри и, что наиболее важно, С. Александера.

Андерсон черпал свое вдохновение у древних греков, особенно у Гераклита, и восхищался объективной позицией досократиков, противопоставляемой им антропоцентрической, субъективной обеспокоенности пост-картезианской философии. Он уважал Гегеля за потенциал его мысли, достаточно критически переосмыслил Дж. Мура, Рассела и Александера. Среди тех, кто так или иначе повлиял на его мысль, кроме вышеназванных, были Сорель, Хилари Беллок (Hilaire Belloc) и Джеймс Бурнхэм. Он осуждал Оксфордский реализм Уилсона (Cook Wilson): философия, по его убеждению, всегда скептична, критична, но никогда не может претендовать на роль морального руководства.

¹ Стоув умер в 1994 г. Наиболее известны две его книги философской полемики. Первая, «*Before and After*», недавно переиздана под названием «*Anything Goes, and The Plato Cult*». Вторая, «*Cricket Versus Republicanism*», включает эссе «Прощайте, искусства» и «Интеллектуальная способность женщин».

² Grave S.A. *A History of Philosophy in Australia*. P. 47.

Защита академической свободы

Как профессор кафедры философии Сиднейского университета, Андерсон был непримиримым борцом за принципы академической свободы от авторитарного вмешательства. «Моя оппозиция идеализму в философии, — писал он, — тесно связана с моей оппозицией капитализму». В 1931 г. Андерсон за критику роли военных памятных дат в освящении войны подвергся порицанию со стороны Сената Сиднейского университета. В 1943 г. его осуждал уже Парламент Нового Южного Уэльса за его утверждение, что религии не место в школах. Он был основателем и президентом Сиднейского университетского Общества свободной мысли (Freethought Society), функционировавшего с 1931 по 1951 гг. В то время, когда философы были убеждены, что они кардинально выиграла спор, Фрэнклин, исследуя положение дел и нюансы, считал, что философы действительно развратили молодёжь. Эта научная дискуссия началась в 1958 г., когда доктор В.Дж. Кинселла, преподаватель Академии Святого Фомы, в противовес университетским эмпирикам издал работу «Эмпиризм и Свобода», в которой утверждал, что эмпиризм Андерсона имел радикально развращающее влияние¹ и высказывал желание, чтобы полиция нравов обратила внимание на кафедру философии. Одна из частей его книги озаглавлена «Сидней Джона Андерсона и альтернативы» — то есть, эмпиризм и материализм против схоластики и идеализма. Хотя в 1979 г. томисты Сиднея были удручены смертью ее основателя, харизматического доктора Остина Вудбери (Austin Woodbury), средневековая схоластика продолжила питать дискуссии по проблемам эвтаназии и абортов, что помогло становлению казуистики, теперь названной «прикладная этика».

Сенат университета, признавая, что не может уволить профессора, стремился уменьшить влияние Андерсона, создав новую кафедру «моральной и политической философии», на которую был назначен Алан Стоут (Alan K. Stout). Однако эта тактика дала осечку, поскольку Стоут сразу же попал под очарование гения Андерсона и вскоре стал одним из самых верных его последователей. В результате Сидней получил второго престижного и представительного философа.

Андерсон был человеком, который устанавливал тематику и тон интеллектуального обсуждения философских проблем в Сиднее. Он, как и Делез, принадлежал к числу тех редких философов, работы которых дают немедленный эффект, позволяя задуматься о времени и пространстве повседневной жизни. Оба были общественными деятелями, а результаты их исследований использовались специалистами во многих областях гуманитарного знания. Возможно, это связано с тем, что и Андерсон, и Делез выводили свои понятия из потока времени, а не из идеальной сетки пространственных категорий². Вот почему интерес Андерсона к Марксу и Фрейдю был не так уж необычен для того времени; несвоевременным было то, что он сделал с их работами. Андерсон увидел у обоих авторов позитивный прорыв новаторских концепций в объединенный и рациональный порядок общества и разума. Но в обеих доктринах его (как и другое поколение западной мысли) не устраивали фантазии, которыми их авторы способствовали социальному или психическому лечению конфликта — на баррикадах или на кушетке. В этом отношении он служит любопыт-

¹ Pols E. Radical Realism: Direct Knowing in Science and Philosophy. Ithaca, 1992.

² Home D. The Lucky Country: Australia in the 60s. P. 238. См. также: Docker J. Australia's Cultural Elites. Sydney, 1974.

ным прототипом радикального перечитывания Маркса и Фрейда, которое Делез предпринял после неудачи Парижского восстания мая 1968 г. Кроме того, и Делез, и Андерсон в сохранении канала, открытого для разнообразия вещей и событий, отводят специфическую роль эстетике. Андерсон был поклонником работ Джеймса Джойса в то время, когда «Улисс» был фактически запрещен в Австралии, и в своём известном эссе 1941 г. утверждал, что есть «интересная параллель между литературной и политической цензурой». По его словам, «цензура "изготавливает очевидность" социальной солидарности»¹.

Как убежденный эмпирик, Андерсон утверждал, что есть только одно царство «бытия», и оно может быть лучше всего понято через науку и натуралистическую философию. Никакого сверхъестественного бога и никаких ненатуральных царств, наподобие тех, которые отстаивал Платон, по его мнению, не существует. Он отрицал то, что знание может быть получено иными средствами кроме описаний фактов, как и всякую веру в то, что откровение или мистика могут быть источниками получения истины. По его мнению, традиционные христианские понятия добра и зла были предназначены только для рабов. Понятие «хороший» было для него действительным только тогда, когда оно применялось к объективным человеческим действиям — свободным, критическим и творческим, субъективных же заявлений необходимо было избегать или квалифицировать их как вводящие в заблуждение. Неудивительно, что влияние Андерсона было и весьма широким, и спорным одновременно: он постоянно исследовал и бесстрашно критиковал освященные верования и учреждения.

В последние годы своей карьеры (1950-е гг.) Андерсон отстаивал более консервативные взгляды. Он прервал все контакты с прежними учениками, сформировавшими Либертарианское Общество, и никогда не связывался с богемой «Удара», хотя та обычно и хвалила его. После отставки в 1958 г. и до самой смерти в 1962 г. он ежедневно работал, пересматривая свои ранние тексты. Среди его последних публикаций были: «*Classicism*» (1960), «*Empiricism and Logic*» (1962) и «*Relational Arguments*» (1962).

Хотя Андерсон в своих исследованиях выступал за критическую настроенность, сам он был очень нетерпим к критике, когда она была направлена против его позиции, особенно если она исходила от членов его департамента и его собственных студентов. В действительности Андерсон хотел донести до людей (признавал он это сам или нет) лишь одно — хорошее знание его учения и признание его собственной позиции. Андерсонянцами были те, кто усвоил из его наследия почти все. Обладая силой ума или характера, или даже просто строптивостью, ученики Андерсона могли получить прекрасное образование. Джон Пассмор, Джон Маки, Дэвид Стоув, Юджин Каменка и Дэвид Армстронг — все они могли бы подтвердить это. Некоторые из его учеников в академической философии не пошли дальше подражательных выступлений, другие же внесли весомый вклад в австралийскую и мировую философию. Джон Пассмор, Дэвид Армстронг, Джон Маки и Юджин Каменка признавали, что многим обязаны Андерсону, и, хотя, фактически, его система умерла вместе с ним, её влияние может быть замечено в некоторых характерных для них представ-

¹ Anderson J. Art and Morality // Art & Reality: John Anderson on Literature and Aesthetics. Sydney, 1982.

лениях¹. В других академических областях, например, в искусстве, те, кто испытан на себе воздействие идей Андерсона, имели большое влияние на австралийскую жизнь, особенно в Новом Южном Уэльсе и Канберре. Два лучших поэта Австралии — Джеймс Маколей (James McAuley) и Алек Хоуп (Alec Hope) — были студентами Андерсона и почтительно отстаивали в печати философские расхождения со своим наставником в моральной философии, но типичные андерсоновские установки остались с ними, как и со многими журналистами, адвокатами, судьями и государственными служащими.

Фрэнклин пишет, что Джон Андерсон был большим философом и передавал свою незаинтересованную любовь к философии любому, кого он учил. Но этика не должна быть изолирована от метафизики. Это — неотъемлемая часть вселенной, которая является предметом философии и важной частью логики Андерсона. В любом случае, он был радикальным моралистом свободомыслия². Каково было его моральное влияние? Как пишет Фрэнклин, это «наиболее темная сторона андерсоновства». Так, в 1937 г. Андерсон впервые в истории Австралии назначил на должность преподавателя философии женщину. Это была Элен Фуллер, которая в своем развитии двигалась от сиднейского реализма к римскому католицизму, поскольку больше не могла терпеть андерсоновское «издевательство над логикой».

Свободная мысль и сиднейские либертарианцы

Нацеленность Андерсона на непрерывное исследование и критику стала центральной в интеллектуальных принципах Либертарианского Общества университета, которое в начале 1950-х гг. вытеснило Общество свободной мысли и в 1960-х обеспечило философскую платформу для более широкой субкультуры, известной как «Удар»³ («the Push»). Андерсон был защитником свободы слова и еще в 1928 г. критиковал запрет австралийского правительства на определенные политические публикации. Он защищал религиозные и сексуальные свободы и настаивал на свободном обсуждении этих проблем в эпоху, когда упоминание о табу обычно приводило к резкому общественному осуждению. Цель Общества была связана с тем, чтобы «провести расследование областей политического, сексуального и религиозного авторитаризма»⁴. Либертарианцы порывали с традиционализмом как актом воли. В письмах фрейдиста Вильгельма Райха они (опередив Фуко) увидели непосредственную связь между сексуальностью и властью, которую и критиковали. Они отказались и от догматической стороны андерсоновизма, и от странного соединения в практическом действии квиетизма и реакции.

¹ Passmore J.A. A hundred years of philosophy. L., 1957; Passmore J.A. John Anderson and Twentieth-Century Philosophy / J. Anderson Studies in empirical philosophy. Sydney, 1962; A perilous and fighting life: from communist to conservative. The political writings of professor John Anderson. Ed. M. Weblin. Sydney, 2003; Anderson A.R. Minds and machines. Englewood Cliffs (NJ), 1963; D.M. A materialist theory of the mind. L., 1964.

² Kennedy B. A Passion to Oppose: John Anderson, Philosopher. Melbourne, 1995.

³ Синонимов у этого слова достаточно много — толчок, отставка, протекция, проталкивание, атака, натиск, напористость, напряжение, ответственный момент, толпа, шайка.

⁴ Rowse T. Australian Liberalism and National Character. Melbourne, 1978; Molnar G. Sydney Libertarianism // Broadsheet. 1965. № 35 (January).

Как пишут и Пассмор, и Армстронг, либертарианство было многим обязано реалистичной философии Джона Андерсона, и любое отклонение от последнего лишило бы то, что они говорили и делали, оснований и рациональных аргументов. Без андерсоновского фундаментализма либертарианцы были бы интеллектуально голыми. Эмпиризм мог быть рациональным основанием для либертарианских действий, но он не обеспечивал рационального основания их фактическим или теоретическим верованиям, поэтому психологическое и моральное воздействие реалистичной философии на либертарианцев не подлежит сомнению.

«Удар» был группой представителей богемы, писателей и художников, которые «откармливали на убой идеи Либертарианского Общества университета». Эта группа приспособила философию Андерсона (или исказила ее, как думал он сам) для пропаганды образа жизни, в основе которого лежали секс, алкоголь, наркотики и азартные игры. Это «братство отчаянных, журналистов, уволенных преподавателей, игроков и неудавшихся поэтов и их доктрин». Как считал Барри Хумфрис, источник привлекательности «Удара» был прост — это был остров волнения в море «тупоумия». «Удар» не был увлечен распространением утопических иллюзий, но одно время наиболее молодые участники стали поддаваться глупому предположению, что реальные перемены возможны. Так практика критического размышления — и критического питья — сформировала своего рода этическую практику жизни, своеобразную «технику я».

Факультет искусства и кафедры философии и социологии стали центрами активности. Философия привнесла традицию непримиримости, сделав её основным принципом. Уол Сачтинг (Wai Suchting), марксист и преподаватель философии, ставший главным лидером волнений в Сиднее, утверждал, что на важнейшие проблемы — болезнь буржуазной культуры, формы возможных альтернатив, стратегий и тактики — слабый голос аналитической философии никаких ответов не давал. Тогда как на расширение сознания и воображения молодежи 70-х работали концепции Маркса и Мао, психоделики и наркотики.

Однако стоит отметить, что лидером «красного смещения» был не Сиднейский университет, а остров Флиндрес. Тамошний профессор философии Брайен Медлин (Brian Medlin) был в Аделаиде одним из лидеров протеста против вьетнамской войны, причём весьма радикальным. Четверо из пяти членов кафедры философии Флиндреса стали проповедовать революционный социализм на курсах, которые вскоре стали маоистскими. Звездный час философского «действия» пришелся на конференцию по философии Австралии в 1970 г., когда перед докладом по политике Медлин драпировал кафедру красным флагом. Конференция тогда приняла решение, осуждающее войну во Вьетнаме.

В Сиднее в 1972 и 1973 гг. Уол Сачтинг¹ и Майкл Девитт предложили курсы по марксизму-ленинизму, план которых включал упоминание об идеях Сталина, Хошимина, Мао и Че Гевары. Армстронг как заведующий соглашался с необходимостью некоторого знакомства с идеями Маркса. Проблемы марксизма, демократизация кафедр и «академические свободы», таким образом, работали в унисон. Кит Кэмпбелл отстаивал примирительный стиль, при условии, что победители и побежденные должны будут продолжать жить и сотрудничать. К этому времени как орга-

¹ Уол Сачтинг оставался твердым традиционным марксистом вплоть до своей смерти в 1997 г.

низованная сила появился феминизм, требовавший места в университетских курсах. Отчетливо либертарианский голос феминизма 1970-х гг. принадлежал Джермине Грир¹. В начале 1973 г. два аспиранта, Жан Кертойс и Лиз Джака, предложили курс по «политике сексуального притеснения». После различных переговоров и запросов администрация согласилась, настояв наиболее «мягком» названии. К этому времени уже проявились противоречия между феминистами и неисправимыми марксистами, расценивавшими феминизм лишь как предлог для альтернативной борьбы за демократизацию и самоуправление. В философии главным гуру был признан Луи Альтюссер, автор книг «За Маркса» (1965), «Читать «Капитал» (1965), «Ленин и философия» (1969)². Однако уже пришло время идти дальше. Было много и других гуру, особенно французских авторов, которые объединили марксизм, феминизм и психоанализ и в 80-90-е гг. оказали существенное влияние на австралийскую философию — Фуко, Иригэри, Лакан, Деррида, Лиотар, Бодрийяр, Делез и другие.

Мельбурнское витгенштейнианство

Если в Сиднее доминировали реалисты, то в Мельбурне — витгенштейнианцы, которые оказали влияние и на философию в Канберре. Влияние идеализма здесь можно проследить в диапазоне мыслителей от В.Г. Чайлда (V.Gordon Childe) до Г.В. Эватта (H.V. Evatt). Ключевой фигурой стал англичанин Джордж Пол, работавший в Мельбурнском университете в годы второй мировой войны, а затем вернувшийся в Англию. Он-то и представил философию Витгенштейна, учеником которого был в 30-х годах, Мельбурнскому университету. Хотя этот период был относительно коротким, его влияние в это время было огромно, причем не только внутри философского департамента, но и на факультете искусств. Так возникло историческое соперничество между Сиднеем и Мельбурном, между андерсонизмом и витгенштейнианством. В 1940 г. в департаменте работал витгенштейнианец Алан Донаган, который вскоре стал спорить с группой иммигрантов из Центральной Европы (конечно, не из Вены)³.

Влияние Пола ощущается в Мельбурне, например, у А.К. («Камо») Джексона, отца Фрэнка Джексона. Но влияние Витгенштейна было обеспечено и прибытием в 1948 г. другого англичанина и ученика мастера — Дугласа Гаскинга, прожившего всю оставшуюся жизнь в Мельбурне. Гаскинг во всех своих лекциях и сравнительно небольшом числе публикаций искал и добился общей ясности. Наиболее важные его работы были собраны в книге «Язык, логика и причинность» (1996)⁴. Его мысль раз-

¹ Greer G. The Female Eunuch. Sydney, 1972.

² Наступала эра критики, ибо эти работы представляют разные стороны его отношения к марксизму. Так, Неприятие Альтюссером гегельянца Маркса достигает своего предельного выражения в книге «Ленин и философия», а критика социалистического гуманизма собрана в работе «За Маркса». Безапелляционную критику Альтюссера можно найти в посвященной ему монографии, включенной в: Thompson E.P. The Poverty of Theory and Other Essays. L., 1978. См. также: Sayer D. Science as Critique: Marx vs. Althusser // Issues in Marxist Philosophy. Eds. J. Mepham, D. Rubin. Brighton, 1979.

³ См.: Ethics. 1993. № 104. P. 143-144.

⁴ Language, Logic and Causation: Philosophical Writings of Douglas Gasking. Eds.: I.T. Oakley & L.J. O'Neill. Melbourne, 1996.

вивалась в течение многих лет: так, под влиянием Куайна и Дэвидсона он стал симпатизировать «австралийскому материализму».

В Мельбурне влияние Андерсона было минимальным, ибо Мельбурн стал «заставой» новой философской революции, частично связанной с логическим позитивизмом и, что более знаменательно, — с поздним Витгенштейном. Пол же не только принес в Австралию новую философию, но и имел огромное влияние на развитие других дисциплин в университете Мельбурна, особенно истории. Витгенштейнианская традиция, закрепившаяся в Мельбурне, вначале несла своеобразный позитивистский аромат, но позже под воздействием Оксфордской философии и прибытия интеллектуалов-беженцев из континентальной Европы, многие из которых во время войны были нелепо высланы из Великобритании и интернированы в Австралию, она стала откровенно витгенштейнианской. В 1950-х гг. Мельбурнский департамент философии включал множество лекторов — как иностранного происхождения, так и местных, — которые позже уехали, чтобы изучать философию за границей. Здесь можно привести такие известные имена как В.Д. Фальк (W.D. Falk), Курт Байер (Kurt Baier), Алан Донаган, Брайен О'Шонесси (O'Shaughnessy), Пол Эдварде, Майкл Скривен и Джордж Шлесингер. Так была установлена традиция обмена кадрами — Джон Маки, Дженни Тейчман, Майкл Девитт, Марк Джонстон, Майкл Стокер и Майкл Тулей прибыли в Австралию из Северной Америки, а затем возвратились в США.

Принимая во внимание, что андерсоновский Сидней в 1950- гг. чрезвычайно гордился своими достижениями на арене международной философии, Мельбурн настаивал на более космополитическом и современном подходе. Он также охотно принимал разнообразие перспектив и профессионалов, проблемно-ориентированный подход к предмету, отклоненные Андерсоном как «эклетика». Влияние Витгенштейна было сильным, но не подавляющим¹, и многие из наиболее известных преподавателей департамента того периода, например, МакКлоски, Байер, Донаган и Чарльсворт, не были в абсолютном смысле витгенштейнианцами. В 1966 г. Дуглас Гаскинг унаследовал от Бойса Гибсона Мельбурнскую кафедру, и Мельбурнский департамент по-прежнему не ориентировался на метафизику. Быстрое расширение университетского образования в Австралии с 1960- гг. устранило господство и оппозицию философских школ Сиднея и Мельбурна. В настоящее время философия здесь представляет собой главным образом гегельянский синтез метафизики, полученной из Сиднея, и интернационалистского «аналитического» профессионализма, взятого из Мельбурна.

Австралийский материализм

Эта программа, стремящаяся понять и объяснять действительность исключительно в пределах структуры естественных наук, представляет, возможно, самый отличительный аспект австралийской философии. Важной частью ее была своеобразная версия материалистической теории сознания (mind) — широко принятая сегодня теория идентичности «сознание-мозг» (mind-brain identity theory), первоначально развитая учениками Г. Райла У. Плэйсом (U.T. Place) (1956) и Дж. Смартом

¹ Gasking D.A.T. Anderson and the Tractatus Logico-Philosophicus // Australasian Journal of Philosophy. 1949. Vol. 27. P. 1-26.

(J.J.C. Smart) (1959) в Аделаиде прежде, чем она была представлена Армстронгом в Сиднее в конце 1960- гг.

Начиная с конца 1950- гг. метафизический поток в Австралийской философии был прегражден сначала «австралийским материализмом», а затем версиями метафизического реализма. Также сохранялся постоянный интерес к онтологии пространства и времени. «Научный материализм» в своих истоках обнаруживает аналитический бихевиоризм Г. Райла и логический позитивизм Г. Фейгла, концепции У. Селларса, направленные на разрешение «картезианского софизма» (высказываний о ментальных и телесных явлениях) и теории соотношения духовного и телесного. Отчетливое оформление «научный материализм» (обсуждающий проблемы ментального и физического, интерпретацию и обоснование их тождества) получает в начале 50-х гг. в работах У. Плейса, Г. Фейгла, Дж. Смарта, в «бескомпромиссном материализме» Д. Армстронга (утверждающего тождество ментального и физического), а также в «элиминативном материализме» Дж. Шаффера, У. Иенсена, Р. Рорти, в «теоретическом материализме» Дж. Кормэна и Т. Нагеля. Промежуточную позицию занимают М. Бродбек, Э. Сосса, М. Дечер, Д. Дэвидсон и др.

В начале пятидесятых годов австралийская философия испытывает сильное влияние Джека Смарта. Он приехал в 1950 г. Будучи аспирантом в Оксфорде, он пользовался поддержкой Гилберта Райла (редактора влиятельного журнала «Mind» с 1948 г.) и считал себя его учеником, в частности, приняв философию сознания Райла, как она изложена в «*The Concept of Mind*»¹. Не скрывая своих антифилософских настроений в отношении понятия «разум», постулируя необходимость психологического и физиологического анализа сознания, Райл полагает, что современные данные о природе деятельности мозга позволяют отказаться от рассмотрения «разума» как монополии философского мышления. «Разумные» процедуры, по Райлу, непосредственно выражают работу разума, тогда как «интеллектуальные» процедуры предпосылают ей «сущностные» предикаты. Декартовскую теорию он рассматривал как дуализм «разума» и «тела». Сознание он считает мифом, сконструированным из существующих ментальных процессов, которые преходящи и не-сознательны. Чувственные данные относятся к «ментальной сфере» и не совпадают с физическим объектом². Сمارт, отчасти следуя Райлу, в Аделаиде развивал материалистическую версию сознания, которая была принята и затем развита Армстронгом, сначала в Мельбурне а позже в Сиднее, когда он в 1964 г. стал заведующим кафедрой. Книга Армстронга «*A Materialist Theory of the Mind*» (1968) стала своего рода библией для материалистической школы. Она представляла на обсуждение ту точку зрения, согласно которой «сознание является мозгом», и защищала ее от разнообразных возражений. Ментальные состояния Армстронг признавал «состояниями человека, которые единственно определяются в терминах объектов или ситуаций, вызывающих данные состояния»³. Акценты и формулировки среди австралийских материалистов были различны, но между их подходами и таковыми философов—физикалистов и материалистов Англии и США обнаруживались подобия.

¹ Ryle G. *The Concept of Mind*. L., 1949. Райль использует здесь технику лингвистического анализа для критики Декарта («Myth of the Mind»).

² *Ibid.* P. 154,210.

³ Армстронг Д.М. Материалистическая теория сознания // Аналитическая философия: Избранные тексты. М., 1993. С. 122.

Департамент Смарта должен был охватывать как философию, так и психологию. Ответственным за психологию он назначил Уллина Плэйса, хорошо известного работами по онтологии. Он также учился в Оксфорде, где слушал курс по философии, психологии и физиологии. Он был рекомендован Смарту Брайаном Фарреллом, автором замечательной статьи «*Опыт*»¹. Смарт предлагал нейтралитет психического дискурса. Плэйс же стал основателем экспериментальной психологии в Аделаиде, но самый значительный вклад он сделал в философию сознания.

Другое назначение, которое удалось сделать в то время Смарту, было очень важным. Речь идёт о назначении американца С.В. «Чарли» Мартина, ученика Джона Уиздома (1904-1993) в Кембридже. Уиздом, следуя Дьюи и Фрейдю, считал философа поэтом и психоаналитиком, а философские проблемы — парадоксами, берущими начало в бессознательном. Лингвистическая философия в его понимании сближается с психоанализом. Однако подобная «описательность» ведет к эпистемологическому анализу. Неудивительно, что Мартин быстро разочаровался в витгенштейнианской философии, и заинтересовался онтологической проблемой, важной тогда как для Аделаиды, так и для философской арены Австралии в целом. Мартин представил в Австралии концепцию создания истин (truthmaker). Он впервые применил важные находки философии сознания Райла — контрфактуальные и диспозиционные истины о поведении.

В Аделаиде Плэйс, как и Смарт, начал с райлеанского бихевиоризма. Но существование внутренних психических процессов представлялось ему бесспорным. В то же время он опирался на аргументы физикалистского описания мира, в том числе психического, привлекавшие его научной обоснованностью. Так он пришел к теории идентичности — идентификации психических процессов с чисто физическими процессами в мозге. Статья Плэйса была опубликована в 1956 г. в «*British Journal of Psychology*», а статья Смарта — только в 1959 г. в «*Philosophical Review*». Позднее обе статьи стали публиковать в антологиях, и представление о направлении влияния стало несколько размытым.

Мартин, по-видимому, не был откровенным райлеанцем, но он слишком стремился противостоять взглядам Плэйса. Плэйс вернулся в Англию в 1956 г. и вряд ли бывал когда-либо в Австралии снова, но он представляет собой один из важных эпизодов в философии «зеленого континента».

Материализм и реализм в Австралии немислим без Дэвида Армстронга, который занимается классическими философскими вопросами и рассматривает их в классической манере. Так, отстаивая свою гипотезу, он утверждает, что в мире «нет ничего, кроме конкретных сущностей, обладающих свойствами и связанных друг с другом», мир образует единую пространственно-временную систему, и ему можно дать — здесь, правда, Армстронг немного сомневается — полное описание «с помощью законченной физической теории». Подобная гипотеза порождает ряд возражений. Одни утверждают, что мир, который мы действительно постигаем, состоит из обособленных элементов — идей, чувственных данных или восприятий. Другие — что мир содержит в себе сознания, не существующие в пространстве и времени, и свойства в виде вторичных качеств, о которых умалчивает наука. Мнения нельзя

¹ Farrell B. Experience // Mind. 1950. Vol. 59. P. 170-198.

должным образом анализировать в терминах свойств или отношений, а свойствам не отводится никакой роли в точном описании мира. Армстронг детально отвечает на эти возражения.

До «Материалистической теории сознания» (1968) Армстронг пишет работу «Восприятие и физический мир» (1961), в которой дает определение восприятия, почти не изменившее своей сути в дальнейших работах. Подобно своему учителю Джону Андерсону, он утверждает, что восприятие состоит в приобретении знания или мнения относительно конкретных положений дел. Оно, естественно, происходит в результате воздействия разных стимулов на органы чувств. Тем не менее, воспринимаемое не является копией этих стимулов, не является чувственным данным. Воспринимать книгу, лежащую на столе, значит, по Армстронгу, считать, что она там находится. Отсюда он заключает, что воспринимаемый нами мир уже содержит свойства и отношения; мир не состоит из простых чувственных элементов. Ощущение — это состояние, причинно обусловленное определенного рода стимулом.

Что касается сознания, то для Армстронга отправной точкой служит материалистическое учение Плейса и Смарта о состояниях центральной нервной системы. Классическим документом этого учения является статья Смарта «Ощущения и процессы в мозге» (*PR*, 1959), а дальнейшую разработку в более широком контексте оно получило в книге Смарта «Философия и научный реализм» (1963). В «Материалистической теории сознания» (1968) Армстронг ставит своей целью сформулировать теорию состояний центральной нервной системы не только для ощущений, но и для ментальных состояний в целом. Сمارт первоначально был согласен (хотя впоследствии изменил свою точку зрения) описывать эти состояния в терминах райлеанского бихевиоризма. Ментальные состояния, по Райлу, представляют собой просто предрасположенности. Но для Армстронга они — интенциональные состояния, обладающие определенной предрасположенностью, могущие быть «причиной определенного рода поведения». Наука, считает Армстронг, доказала, что ментальные состояния одновременно есть состояния мозга и, следовательно, существуют в пространстве и времени, а стало быть, не служат контр-примером против гипотезы Армстронга о мире¹.

Существование вторичных качеств Армстронг определяет с реалистической позиции, обвиняя Смарта в устаревшем операционализме. Он отождествляет вторичные качества со свойствами физических объектов, которые нами воспринимаются в повседневных ситуациях только как некие структуры. Мы лишь осознаем, к примеру, что и роза, и пион являются красными, но не воспринимаем их как разрозненное множество световых волн и не осознаем, что же онтологически означает быть красным².

¹ Дэвидсон в работе «Ментальные события» (1970) пытается решить проблему: как согласовать два, казалось бы, несовместимых факта: во-первых, тот факт, что человеческие действия со всей очевидностью входят как составная часть в устройство природы, «оказывая каузальное воздействие на внешние по отношению к ним события и подвергаясь аналогичному воздействию с их стороны», и, во-вторых, тот факт, что имеются, как он полагает, «убедительные доводы против той точки зрения, что мышление, желание и сознательное действие можно, подобно физическим явлениям, подвести под детерминистические законы».

² Пассмор Дж. Современные философы. М., 2002. С. 23. Взгляды Армстронга широко критиковались. См., к примеру, рецензию Т. Нагеля (T. Nagel) на «Материалистическую теорию сознания»

В дальнейшем, пытаясь определиться с пониманием сознания, в своей книге «Сознание, истина и знание» (1973) Армстронг опирается на высказанное Рамсеем предположение о том, что наша система сознания и убеждения представляет собой «карту, по которой мы сверяем свой путь»; при этом сознание отличается от мысли, которую мы просто продумываем, ибо оно всегда служит «потенциальной причиной или тормозом для наших действий»¹. Согласно Армстронгу, это совершенно очевидно в случае сознания того, что определенная книга лежит на столе. Это состояние сознания, в котором зашифрована информация, и подобно другим ментальным состояниям, оно предрасполагает к совершению действия. Однако возникает проблема: как быть с научными законами, область применения которых не знает ограничений?

Армстронг отвечает в духе Рамсея: считать, что научный закон выполняется, значит иметь предрасположенность «расширить карту» или же «ввести общие отношения каузального обеспечения между частями карты в соответствии с общими правилами»². Таким образом, в подобном анализе, в противовес номинализму любого вида, принимается на веру существование качеств. Но содержит ли мир качества, и если да, то откуда мы знаем, какие качества он содержит? Эти вопросы Армстронг обсуждает в двухтомном труде под названием «Универсалии и научный реализм» (1978). Он тщательно критикует разного рода классические теории: номиналистические (а в некоторых вариантах платонистические), «партикуляристские» в духе Дж.Ф. Стаута³ и «универсалистские», представленные, например, предположением Рассела о том, что конкретные сущности представляют собой пучки универсалий. Отсюда он делает вывод, в общих чертах следуя Андерсону, что ни без конкретных сущностей, ни без универсалий обойтись нельзя, что мир складывается из состояний дел и при этом конкретные сущности обладают свойствами и находятся в определенных отношениях друг с другом⁴.

Отношения между универсалиями формулируются научными законами. Откуда мы знаем, что универсалии существуют? По мнению Армстронга, мы не можем ответить на этот вопрос, просто рассмотрев, какие предикаты содержит наш язык. Какие универсалии существуют, наука открывает в процессе формулировки общих законов⁵. Армстронг проводит четкое различие между «семантикой предикатов» и

(Armstrong D. A Materialist Theory of Mind) в PR за 1970 г. А.Дж. Айер в своей «Философии в двадцатом столетии» основное внимание уделяет анализу Армстронгом вторичных качеств. См. также более позднюю литературу по материализму в прим. 40-42 к главе 20 в книге Дж. Пассмора «Сто лет философии».

¹ Ramsey P.P. The Foundations of Mathematics. L., 1931, наряду с дополнительными материалами опубликованными под названием «Foundations» (1978), а также: Prospect for Pragmatism. Ed. D.H. Mellor. Cambridge; N.Y., 1980.

² Армстронг разрабатывает свою теорию научных законов в: Armstrong D. What is a Law of Nature? Cambridge, 1983. Общий обзор исследований по проблеме сознания и соответствующую библиографию можно найти в: Armstrong D. Recent Work on the Relation of Mind and Brain // Contemporary Philosophy: A New Survey. Vol. IV, Philosophy of the Mind. Ed. G. Floistad. The Hague, 1983. P. 45-79.

³ «Универсальное является дистрибутивным качеством», утверждает он. См.: Stout G.F. The Nature of Universals and Propositions // Studies in Philosophy. London, 1966. P. 9.

⁴ Пассмор Дж. Современные философы. С. 24, 138.

⁵ О его теории универсалий см. также материалы дискуссии с Куайном и Майклом Девином в «Pacific Philosophical Quarterly» за 1981 г. и статью Л. Голдштейна «Научный шотландизм» (Gold-

«теорией универсалий»; вопросы, касающиеся значения, он в основном откладывает в сторону, когда пытается построить «первую философию». Возможность какой-либо первой философии помимо теории значения, возможность какой-либо теории универсалий помимо семантики предикатов — именно это многие из его современников отвергли бы наиболее резко. Но Армстронга почти не затронул «лингвистический поворот». Армстронг замечателен тем, что пишет по столь многим классическим темам, и было бы трудно найти классическую философскую проблему, которая была бы оставлена им без тщательного анализа в последние десятилетия.

В новейшей (американской) аналитической «философии сознания» (*philosophy of mind*), занимающейся изучением механизма фиксации процессов сознания в естественном языке, замечен отход от теории психофизического параллелизма в сторону теории тождества духовного и телесного¹. По мнению Малколма, философы-аналитики расширительно толкуют понятия «ментальные состояния», что нередко приводит к серьезным концептуальным заблуждениям².

В последние годы ряд аналитиков видит в витгенштейнианской «философии сознания» единственную альтернативу когнитивистской методологии изучения психофизических процессов. Когнитивизм, по М. Уильямсу, полагает, что организация поведения субъекта объясняется каузальным воздействием сугубо внутренней ментальной структуры. Такие влиятельные авторы, как Д. Фодор, С. Стич, Н. Хомский, считают, что только такой подход и способен придать психологии научный статус. Эти сциентистски ориентированные взгляды несовместимы с философией позднего Витгенштейна, который полагал, что сами формы нашего повседневного языка приводят к ошибочной интерпретации психологических состояний и процессов³. «Философия сознания» занимается концептуальным анализом лингвистических средств, используемых для описания и объяснения процессов сознания (и психики). На передний план выходят исследования, посвященные интенциональным характеристикам сознания, проблемам «индивидуального языка» и познания «других сознаний», фиксации в языке болевых ощущений, всевозможным ситуациям воления, воображения, психическим предрасположенностям к тому или иному поведению. Таким образом, сохранить ее в составе аналитических дисциплин становится все труднее, а вот витгенштейнианская парадигма концептуального анализа психики предлагается как избегающая крайностей когнитивизма и бихевиоризма.

Материалистическое настроение, доминирующее много лет в Австралии, не было всепокоряющим. Конечно, влияли Витгенштейн или Оксфорд, которые имели тенденцию думать о ментальном в лингвистических или социальных терминах; они с подозрением относились к онтологии, особенно к ее радикальному упрощению, хотя некоторых привлекал неоднозначный физикализм Дональда Дэвидсона. Эпистемология, философия языка и «моральная психология» отмечаются как более важные, чем онтология; хотя первые две темы, по крайней мере, также исследовались некоторыми материалистами, центром была философия науки. (Мельбурнский

stein L. *Scientific Scotism - The Emperor's New Trousers or Has Armstrong Made Some Real Strides?* // *Australasian Journal of Philosophy*. 1983. № 61.), где прослеживается связь Армстронга с Уилфридом Селларсом и приводится обширная библиография работ Селларса об универсалиях.

¹ Searle J. *Mind brains and science*. Cambridge, 1984.

² См. подробный анализ в: Дубровский Д.И. *Информация. Сознание. Мозг*. М., 1980.

³ Wittgenstein L. *Remarks on the philosophy of psychology*. Oxford, 1980. Vol. 1-2.

отдел Истории и философии науки был вторым из образованных в мире и произвел таких философов как Герд Бухдаль (Gerd Buchdahl), Джордж Шлесингер, Хью Лэйси (Hugh Lacey) и Брайан Эллис (Brian Ellis.) Имелись также критики материализма, более сочувствующие онтологизирующему настроению, которые предложили остаточный дуализм, часто центрируемый на упорстве «qualia» к материалистической редукции. Существенное влияние здесь оказывал Мартин из Аделаиды, а Фрэнк Джексон и Кейт Кэмпбелл защищали онтологическое значение и несводимость эмпирического. Джексон даже поддержал немодные чувственные данные в репрезентативной теории восприятия в своей книге «*Perception*». Кэмпбелл, прибывший из Новой Зеландии, унаследовал кафедру Армстронга в Сиднее. В любопытном повторении династической традиции Гибсонов, Джексон унаследовал кафедру своего отца и в 1995 г. стал вторым (после отца) австралийцем, который читал престижные Лекции Джона Локка в Оксфорде. Симпатии Джексона и Кэмпбелла к сциентистским настроениям своих коллег материалистической ориентации, однако, ведут к одобрению сверхфеноменалистического «qualia». Экспатриант-австралиец Брайан О'Шонесси (Brian O'Shaughnessy) развивал более оригинальную концепцию, отстаивая двойственный аспект теории сознания в книге «*The Will*» (1980).

Австралийский реализм

Большинство направлений реализма развивались в русле сциентизма. Многие из реалистов требовали не только освободить философию от химер идеалистической метафизики, абсурдных выводов идеалистического эмпиризма, но и перестроить философию по образу и подобию науки. В 50-х гг. позиция американских философов (Ассоциации реалистической философии) была выражена в сборнике «Возвращение к разуму» (1953). Здесь видна особенность нового толкования реализма — распространение на онтологию, более полное использование феноменологического метода, подчеркивание роли разума в постижении реальности.

Философы в Австралии, начиная с Джона Андерсона в 1930-х гг., имели тенденцию быть в своих онтологиях решительными «реалистами». Этот реализм часто выражался как представление, что объекты, описанные в научных теориях (например, кварки, мезоны, молекулы ДНК и РНК) действительно существуют, а не построены социально. Распространенность реализма объяснялась как отражение практичной австралийской культуры или как внедрение ее в особых климатических и географических условиях (Д. Армстронг). Одно внешнее влияние, однако, было существенно: регулярные посещения, начиная с 1970-х гг., выдающегося американского философа Дэвида Льюиса, непосредственного ультра-реалиста и в своем роде «почетного Австралийца». Некоторые чувствовали, что воздействие Льюиса было чрезмерно; если так, то оно укрепило тенденцию отечественного производства этих идей. Сильный реализм очевиден даже в части работ по пространству и времени; Грэм Нерлих (Graham Nerlich) защищает представление, что пространство не есть только абсолют, но и сущность. Однако с ним сосуществует антиреализм, связанный с влиянием Майкла Даммита из Оксфорда и Хилари Патнэма из Гарварда (через его бывшего ученика Барри Тейлора).

Большая часть работ Даммита была посвящена интерпретации и (с существенными оговорками) защите Фреге. В двух объемистых трудах он говорит и о главных проблемах философии языка. Правда, при рассмотрении вопроса мы долж-

ны принять внимание сложную расстановку — позицию Фреге, мнение Даммита о позиции Фреге, мнение Крипке о Фреге и Даммите и т.д. Даммит, в отличие от других, открыто защищает «лингвистический поворот». Что касается антиреализма Даммита, то здесь все непросто. С одной стороны, он признан «родоначальником антиреализма» С другой — не является ясным само понятие «антиреализм»: его отождествляют то с феноменализмом, то с инструментализмом, то с номинализмом. В своей работе «Реализм» (1963) Даммит открыто отвергает ту точку зрения, что феноменализм является антиреалистическим, а в работе «Наука и здравый смысл» (1979) обстоятельно критикует инструментализм, заявляя, что наука есть продолжение наших повседневных убеждений и мнений, за исключением, пожалуй, ее высших уровней. По сути, многие реалисты прочли бы это с одобрением. Следовательно, излагая семантику Даммита, мы излагали его антиреализм. Конечно, он рассматривает конкретные эпистемологические вопросы («Наука и здравый смысл») и отнюдь не является абсолютно убежденным антиреалистом, каким его иногда представляют¹. Что особенно важно, так это отказ Даммита от онтологического противопоставления реализма и идеализма: он сводит данное противопоставление к чисто логическому рассмотрению противоположностей. Проблема переводится исключительно в область логического анализа суждений. В этом случае антиреалист сам уславливает критерии истинности или ложности и допускает даже существование «индифферентных» суждений, которым не приписан предикат истины или лжи².

По сути, антиреализм — это универсальная позиция, предусматривающая определенный подход к широкому кругу спорных вопросов, которые, как оказывается, имеют значительно больше общего, чем мы вначале предполагали. Антиреализм имеет одно следствие, которое кто-то сочтет нежелательным. Поскольку им отвергается принцип двузначности, отсюда следует, что некоторые известные формы вывода больше не являются корректными — например, из высказывания «это не истинно» некорректно теперь выводить, что «это ложно». Но это, утверждает Даммит, не является сведением к абсурду. Спустя почти двадцать лет после первой статьи по реализму Даммит публикует вторую статью под тем же названием (*Synthese*, 1982), в которой продолжает твердо придерживаться своего главного тезиса: спор между реализмом и антиреализмом вращается вокруг интерпретации.

Что касается Патнэма, то он воспринимался и как физикалист, заявлявший, что «философия физики является продолжением самой физики», а не метатеорией о том, как работают физики. По его мнению, математика, наука и философия взаимопроникают друг в друга. Согласно «внутреннему реализму» Х. Патнэма, значение термина не должно отождествляться с его референтом (объемом), а представляет собой образование, состоящее из синтаксических и семантических характеристик, стереотипа указания и дескрипции экстенсии. Все эти компоненты изменяются в зависимости от «компетенции» говорящего и других «прагматических условий». Заметная особенность патнэмовской философии науки состоит в том, что он связывает науку с практикой в характерной для американских прагматистов манере.

Подготовкой к реалистическому движению в Австралии был усиливающийся акцент на потребности расположить философию в пределах перспективы физиче-

¹ Пассмор Дж. Современные философы. С. 92.

² Dummett M. Truth and Other Enigmas. Cambridge (Mass.), 1978. P. 23.

ских наук. Физикализм был преобладающей ориентацией. Два аспекта современных физических наук особенно впечатлили австралийских материалистов — полнота и редукционизм. Армстронг с восторгом писал, что мировая наука — это не нечто, к чему философия должна быть только приспособлена, но предмет и основная концепция почтительного объяснения в терминах современной физики. Успех редуктивных стратегий в химии и биологии поощрял идею, что все важные философские проблемы будут лучше поняты в терминах научных теорий. Много дискутировали о природе редукции. Теория идентичности, которая подкрепила произведенный подход, была исследована относительно достоинств типов идентичности и символической идентичности, точной роли функциональных объяснений ментального в пределах материалистической структуры, а также отношение традиционного материализма к элиминативному материализму. Элиминативисты обращаются к ментальному как к волшебной категории, которая изменит границы науки. Австралийский материализм, вообще говоря, отверг элиминативизм; он стоял на тождестве сознания-мозга, сравнивая их с тождествами типа такового воды с H_2O , и материалисты думали, что многое из нашего «народного» понимания верований, боли, чувств и т.д. были полезны, как и многое из нашего «пред-теоретического» размышления о воде.

В ряд «научных реалистов» ставят К. Поппера, П. Фейерабенда, Х. Патнэма, У. Селларса, М. Хессе, Р. Бойда, Р. Харре и Дж. Коэна, которые полемизируют о познаваемости объективной реальности, истинности научного знания и т.п. Есть «метафизический реализм» (Глаймур, Бойд), «умеренный реализм» (А. Масгрейв), «предположительный реализм» К. Поппера, «внутренний реализм» Х. Патнэма и т.п. М. Даммит в 70-80-е гг. отстаивает «антиреализм» (инструментализм), сочетая в своей философии концепцию Н. Гудмена и семантическую терминологию Фреге с соответствующим математическому интуиционизму отрицанием высказываний об актуально бесконечном. «Научные реалисты» признают существование объективной реальности и возможность ее познания, реализуемую в ходе исторической эволюции особых познавательных средств, т.е. научных теорий, но все понятия трактуются неоднозначно, а модификации «реализма» как раз и зависят от понимания «научной теории», «истинного познания» и т.п.; при этом сохраняются «лингвистический акцент» и сциентистские установки.

Следует заметить, что витгенштейнианская идея автономии грамматики в конечном итоге направлена против метафизического реализма. Смысл же «научного реализма» состоит в обосновании дескриптивистского, референциального, онтологического характера терминов науки, что противоречит конвенционализму и инструментализму неопозитивизма¹. Так, «научный реализм» У. Селларса представляет собой «трансформацию кантовского критического идеализма в реализм, который одновременно является критическим и научным»² и интерпретирует психофизическую проблему в противоречии между «наличным» и «научным» изображением «человека-во-вселенной», или «научного изображения человека» как сложной «физической системы».

¹ См.: Проблемы и противоречия буржуазной философии 60-70-х годов XX в. М., 1982.

² Sellars W. *Science, Perception and Reality*. L., 1963. P. 90.

Нестандартные логики

Работам по альтернативной логике присущ некоторый антиреалистический аромат. Развитие энергичного интереса к формализации противоречило традиционному мельбурнскому безразличию к формальной логике и андерсонскому скептицизму относительно всех современных достижений логики. Возможно, существенно, что многие из логиков были мигрантами, например, Лен Годдард (Len Goddard) и Грэм Прист (Graham Priest) — из Великобритании, Боб Мейер (Bob Meyer) — из США, Ричард Силвэн (Richard Sylvan) — из Новой Зеландии.

Так или иначе, австралийские философы оказались в центре деятельности по развитию различных форм логики, направленных против имеющихся предрассудков. Приор, на которого неизменное влияние оказывали польские логики, стремился расширить аппарат классической логики. Джон Мэки, например, утверждал, что условные высказывания не являются, строго говоря, истинными или ложными. Они утверждают консеквент только «в области действия» определенной «суппозиции», и это было развитием его прежней идеи о том, что условное высказывание — это сокращенное рассуждение, а не утверждение. Льюиса совершенно не убедили все эти попытки истолковать любое условное высказывание как говорящее о действительном. Как и Армстронг, Дж.Л. Мэки был очень независимым учеником Джона Андерсона, но в отличие от Армстронга большую часть своей жизни он провел за пределами Австралии, по большей части в Оксфорде. Его взгляды относительно вероятности наиболее полно изложены в книге «*Truth, Probability and Paradox*» (1973), половина которой посвящена Андерсону. В ней содержится критика теорий возможных миров. В работе «Цемент вселенной» (*The Cement of the Universe*, 1974) он разрабатывает условную теорию причинности¹. Основоположение своего плюралистического антиреализма он обосновывает в полемике с эссенциалистическим реализмом Д. Андерсона. Мэки считает невозможным рассмотрение Я как простой сущности, но, как и Юм, видит ее только конгломератом различных проявлений сознания. Эту концепцию он пытается соединить с индуктивной логикой Милля, утверждая, что любая посылка индуктивного вывода носит вероятностный характер. Мэки утверждает, что его методология наиболее успешно «работает» при анализе социальной жизни. Так, идеология не может рассматриваться на современном этапе как единая система понятий, ценностей, убеждений. Только анализ конкретных моральных ситуаций дает истину.

В Новой Зеландии относительно новые формы логики (особенно временная логика и модальная логика) успешно исследовались Артуром Приором (Arthur Prior, 1914-1969)², Джорджем Хьюсом (George Hughes) и Максом Кресвеллом (Max

¹ См. также: Causation and Conditionals. Ed. L.E. Sosa. Oxford, 1975, и крайне короткие статьи о причинности и гипотетических высказываниях в кн.: Anderson J. Studies in Empirical Philosophy.

² По временной логике особенно важными были работы А.Н.Приора. См.: Prior A.N. Time and Modality. Oxford, 1957, а также сборники его статей, опубликованные после его преждевременной смерти: Prior A.N. Past, Present and Future. Oxford, 1967; Prior A.N. Papers on Time and Tense. Oxford, 1968; Prior A.N. Objects of Thought. Oxford, 1976; Prior A.N. Doctrine of Propositions and Terms. London, 1976; Prior A.N. Papers in Logic and Ethics. London, 1976; Prior A.N. Worlds, Times and Selves. London, 1977. Общую оценку работ Приора см. в некрологе, написанном Э. Кении (Proceedings of the British Academy, 1970). В общем аспекте см.: Rescher N. A. Urquhart. Temporal Logic. Vienna, 1971.

Creswell). Другой новозеландец, Ричард Роутли (Routley)¹ (ранее Ричард Силвэн (Richard Sylvan)), исследовал различные неклассические логики (что отражено в его монументальной работе «*Exploring Meinong's Jungle and Beyond*» (1980)) и в 1970-х гг. помог преобразовывать Австралийский Национальный университет в главный мировой центр по исследованию «релевантной логики»². А. Приор утверждает, что наряду с установлением формальной достоверности высказывания субъект этого высказывания должен быть отнесен к определенному моменту времени. «Видимая эгоцентричность рефлексивного класса выражений ошибочна»³. Временные условия высказывания являются реальными и не зависят ни от сознания субъекта, ни от структуры нашего языка.

Инновационные исследования по логике продолжают выполняться на большинстве кафедр философии в Австралии. Так, изначально связанное с Питсбургом учение об импликации, а в более широком смысле — об обусловливании, в последующем получило развитие в довольно неортодоксальных направлениях в Австралии и Южной Америке, положив начало «паранепротиворечивым» логикам⁴. Формулируемые в этом учении требования к импликации автоматически исключают парадоксы как строгой, так и материальной импликации. Принципиальные работы по паранепротиворечивой логике выполнил Грэм Прист (Graham Priest) из Мельбурнского университета. Такого же калибра и работа Ллойда Хамберстоуна (Lloyd Humberstone) из Монаша по модальной логике.

Этика

По сравнению с достижениями в философии сознания и метафизике, австралийцы дали мало нового в области «чистой» теории ценности, хотя имелись некоторые достижения в прикладной этике. Книги Курта Байера (Kurt Baier) («*The Moral Point of View*», 1958) и Алана Донагана (Alan Donagan) («*The Theory of Morality*», 1977) имели заметное влияние на моральную теорию, но оба философа провели большую часть своей академической карьеры в США. Точно так же можно отметить работу другого мигранта Маки «*Ethics: Inventing Right and Wrong*», которая широко обсуждалась⁵.

Над моральной философией последней четверти двадцатого столетия в Австралии доминировал консеквенциализм (или утилитаризм), главный тезис которого утверждал, что мы должны всегда делать то, что имеет лучшие последствия. Здесь снова сильно влияние Дж. Смарта. Более важны здесь исследования Питера Синджера, привлекшие самое большое внимание. Действительно, в его классических работах «*Animal Liberation*» (1976) и «*Practical Ethics*» (1979) раскрываются принципы

¹ Griffin N., Routley R. Towards a Logic of Relative Identity // *Logique et Analyse. Nouvelle Série*. 1979. Vol. 22. P. 65-83.

² Goddard L., Routley R. *The Logic of Significance and Context*. Edinburgh, 1973.

³ Prior A.N. *Papers on Time and Tense*. P. 15.

⁴ On Paraconsistency // *Paraconsistent Logic: Essays on the inconsistent*. Eds.: G.Priest, R. Routley. München, 1985.

⁵ Заметим, что им была по-новому оценена репрезентативная теория восприятия. См.: Mackie J.L. *Problems from Locke*. Oxford, 1976. О его моральной теории см.: Никоненко С.В. Английская философия. XX век. СПб., 2003. С. 498-500.

консеквентной этики, которые применяются к таким темам как права животных и эвтаназия.

Философы в Австралии недавно оказали существенное влияние в областях прикладной философии и социальной этики, где инструменты философии применяются при разрешении спорных практических и моральных проблем. Центром подобной работы стал CAPPE (Центр прикладной философии и социальной этики), который образовал в 2000 г. и финансировал ARC (Australian Research Council) как Специальный Центр Исследования в прикладной философии. Работая совместно с университетом Мельбурна, университетом Чарльза Стерта и австралийского Национального университета, философы в CAPPE регулярно выносят на обсуждение академических и общественных форумов целый диапазон беспокоящих общество проблем, включая полицейскую коррупцию, деловую этику, клонирование и современный терроризм. Проблемы, связанные с движением зеленых, франкофеминистами, аборигенной духовностью и т.п. сейчас постоянно обсуждаются.

* * *

Сегодня австралийские мыслители похожи на своих коллег в остальном философском мире. Можно найти все модные подходы и все модные темы, аналитические и не аналитические. Но, возможно, австралийскую философию отличает определенный идиосинкразический характер, который вытекает из влияния Андерсона в Сиднее, Джорджа Пола, Дугласа Гаскинга и витгенштейнианских традиций в Мельбурне, а также Плэйса, Смарта и Чарли Мартина в Аделаиде. В конце 1990-х гг. можно еще обнаружить следы либертарианцев, правда, уже в критическом размышлении против их косности. Элементы этой критики можно найти в публикациях: особенно в работе «Язык, власть и подрывная деятельность» (*Language, Power and Subversion*), и в хорошо известной книге «Истина, власть, стратегия» (*Truth, Power, Strategy*). По-видимому, не случайно, что это критическое переосмысление часто велось через Мишеля Фуко и Жюль Делеза, которые принадлежат совсем другому — Парижскому — либертарианству. Если бы можно было представить генеалогию Сиднейского либертарианства, это, возможно, была бы одна из форм непрерывного критического различия из-за ее способности всегда дифференцировать себя от прошлых воплощений, которые теряют свою рефлексивную и критическую суть. Эта генеалогия была бы такой: андерсонизм — либертарианство — постмодерн.

Андерсонизм защищал интересы и образ жизни интеллигенции как меньшинства, выполняющего миссионерскую роль и говорящего от имени общества в целом. С другой стороны, оно не отвергает и путь демократического общества, чтобы вовремя гасить конфликты. Важны прозрения Андерсона, когда он указывает на мультикультурализм как структуру для демократического решения конфликтов и практики совместного действия, которая сама организует себя от основания до вершины. Австралийская философия не избежала увлечения постмодернизмом, который только отдельными своими теориями увлек молодых исследователей. В этом виноваты и глобальные векторы СМИ 1980-х гг., которые проникают в каждый угол повседневного опыта. От ризоматического прочтения мировосприятия австралийские философы все больше склоняются к мысли о том, что они имеют антенны, которые еще надо налаживать на прием. Постмодернизм демонстрирует широкий доступ к методам и догмам, которые были организованным выражением либертарианства. Каждый

художник и автор должны были отдалиться от рабских структур семьи и государства. Постмодернизм инициировал и диалог философских культур, результатом чего стала компаративистская философия, устремившаяся на сравнение родственных идей в классических текстах из Индии, Китая или Японии, а не только Европы.

A.S. Kolesnikov

Philosophy in Australia: history, thinkers, problems

A.S. Kolesnikov represents the wide review of a philosophical thought to Australia. Sources, formation, features of development, the basic currents and problematizations — are those the basic themes of offered work. The special attention is given rivalry of philosophical schools of Melbourn and Sydney, «andersonianism» and Australian vittgensteinianism. The panorama of the Australian philosophy is unwrapped on a background of sociopolitical history of «green continent».